
Инна Голубович

**ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ КАК СИТУАЦИЯ И
СОБЫТИЕ МЫСЛИ (НЕСТРОГИЕ ЗАМЕТКИ О
НЕОФИЦИАЛЬНОМ ОТЗЫВЕ А. С. КИРИЛЮКА НА
ДИССЕРТАЦИЮ О «СИТУАЦИИ»)**

У режимі case-study розглядається така форма сучасного наукового життя, як відзив на дисертацію, окреслюються її евристичні можливості.

Ключові слова: *відзив на дисертацію, етос наукового дослідження, філософська традиція.*

В режиме case-study рассматривается такая форма современной научной жизни, как отзыв на диссертацию, выявляются ее эвристические возможности.

Ключевые слова: *отзыв на диссертацию, этос научного исследования, философская традиция.*

This notes devoted to such form of the contemporary scientific life as a response on the dissertation. It is investigated in the mode of case-study from point of view of the heuristic possibilities of this form.

Keywords: *response on the dissertation, ethical norms of the science, philosophical tradition.*

В философии и науке значимы не только результаты мысли, но и ее конкретно-исторические формы, жизненный эфир, то, что можно определить как «ситуации мысли» и «события мысли». Это, в общем-то, тривиальная констатация, особенно для сегодняшнего этапа развития гуманитаристики, который характеризуется небывалым всплеском интереса к «истории понятий», «истории дискурса», «истории контекстов», «интеллектуальной истории» и т. д. (См., напр.: [6]). В рамках «интеллектуальной истории», «социологии знания», «просопографии» и других почти дисциплинарно закрепленных рубрик создаются работы, которые посвящены сложным и запутанным траекториям взаимоотношений в научных коллективах, а также особым «формам жизни» науки, таким, например, как защита диссертации (См.: [2; 13; 14]). Попробуем в этой связи рассмотреть отзыв на диссертацию – почти бюрократическую, строго ритуализированную форму и процедуру научной жизни. Может ли она стать подлинным событием мысли? Автор настоящей публикации утверждает: да, может. А в качестве аргумента предлагает обратиться к конкретной ситуации, в которой такое событие произошло в его собственной жизни.

Жанр этих нестрогих заметок можно условно обозначить как case-study и life story. Во-многом, это и своеобразная интеллектуальная love story. Последнее для меня особенно важно: принцип «любовного созерцания», ориентацию на «логос любви», внутренне присущий гуманитаристике, я рассматриваю не только как ее ценностно-эмоциональный настрой, но и как важнейшую составляющую методологии Humanities. Эта идея обосновывалась по-разному. Мне ближе всего обоснование, предложенное М. Бахтиным. «Ценностное многообразие бытия как человеческого (соотнесенного с человеком) может быть дано только любовному созерцанию, только любовь может удержать и закрепить это много- и разнообразие, не растеряв и не рассеяв его, не оставив только голый остов основных линий и смысловых моментов», утверждает в ранней бахтинской работе, названной затем «К философии поступка» [1, с. 59]. В нашем случае «любовное созерцание» осуществляется не только в соответствии с долгом верности однажды принятым принципам, но и по склонности (да простит мне И. Кант такую слабость), по глубокой человеческой симпатии к герою этих заметок. Замечательный российский социолог Наталья Козлова, также исповедующая «любовное созерцание» как методологическое кредо, в книге «Советские люди: Сцены из истории» призналась в «любви к своим *непугевым* героям» [10, с. 9]. Я же признаюсь в любви к героям, определившим траекторию моего собственного интеллектуального *пути*

Автору настоящей публикации несказанно повезло с экспертами, которые дают оценку диссертации и рекомендуют ее к защите. Весной 1997 года ученый совет Южноукраинского педагогического университета имени К. Д. Ушинского назначил мне в качестве экспертов профессора кафедры философии и гуманитарных наук Одесской консерватории (ныне Одесской музыкальной академии) Алексея Николаевича Роджеро и профессора, зав. кафедрой философии Одесского филиала Центра гуманитарного образования НАН Украины Александра Сергеевича Кирилюка. В тот момент я этого везения не понимала. Мне казалось, что только так и нужно реагировать на диссертации, что так поступают все и что просто нельзя никак иначе. Моя наивность и неосведомленность навсегда закрепили во мне этот «золотой стандарт» отношения к младшему коллеге, только входящему в храм философии – не просто в ноуменальное и трансцендентное образование, но и в феноменальный, реальный «дом бытия», местообитания. Встречи и беседы с А. Н. Роджеро, которые навсегда определили судьбу автора данной публикации, связали с герменевтическим семинаром в Одесской музыкальной академии, а затем и с «Одесской гуманитарной традицией», – тема

отдельного разговора и отдельной глубочайшей благодарности. От А. С. Кирилюка я получила официальный документ, оформленный по всем правилам, а также неофициальный отзыв, который соответствовал уже совсем другим правилам, нормам и законам – 12 страниц машинописного текста через один интервал. Его я храню до сих пор и до сих пор помню встречу в старинном особняке в Удельном переулке, где размещалась кафедра. Александр Сергеевич вручил мне два отзыва с множеством казавшихся мне убийственными замечаний и все же сдержанно заметил, что работа хорошая. Без этого устного кредита доверия я вряд ли смогла бы даже дочитать до конца эти тексты, не прыгнув вниз головой с «философского парохода».

Пожалуй, впервые, исключая научного руководителя, со скромной аспиранткой вступил в бескомпромиссный диалог на равных серьезный, сложившийся ученый. В неофициальном отзыве не было никаких скидок, оценка делалась по гамбургскому счету. А замечания к тексту диссертации легко и органично превращались в развернутый авторский комментарий. Одновременно в каждом из таких комментариев, уже в «свернутом виде», содержался материал на целую статью и даже монографию. Эти эскизы, их сегодняшнее переживание и осмысление стали предметом нестрогих заметок.

Моя кандидатская диссертация была посвящена категории «ситуация» и ситуационному подходу в гуманитаристике [4]. Теоретико-концептуальным основанием работы стала философия экзистенциализма, а непосредственным импульсом – работы российского философа Э. Ю. Соловьева, в которых рассматривалась проблема «личность – ситуация» (См., напр.: [15]). Основной упор был сделан на осмысление индивидуально-личностной ситуации, которая рассматривалась, прежде всего, как смысловая (смысловременная) действительность. Констатировалось, что именно единство смысловых связей скрепляет фрагментарные ситуации в исторический универсум. В работе отстаивалась, а часто и просто декларировалась, идея «первоисторичности личности» в ее ситуационном единстве, осуществлялась апелляция к «человекоразмерности» истории. Крайности такого подхода были отмечены в отзыве.

«Обоснование актуальности основывается на представлении о смене объективистских моделей бытия человека в мире личностными, имеющими место якобы в наше время. При этом упор делается лишь на одной стороне – личности, при довольно слабом освещении того, во что эта личность входит, чему противостоит, с чем не согласна и т. д... Скорее речь может идти об обострении и актуализации личностной тематики не вообще, а на сломе эпох. Отсюда – выход на демонстрацию

способов решения ситуационных проблем в эпохи, когда терялись объективно-традиционные ориентиры, при переходе от родового строя к классовому, от язычества к христианству, от средневековья к Ренессансу, от традиционного иерархического общества к обществу восставших масс и соответствующей реакции на него психологизирующе-экзистенциализирующего индивида и, в конце концов, к современному переходу от тоталитаризма в нашей стране к началам демократии. При этом нельзя упускать из виду и личный авторский момент, связанный, по всей видимости, со стереотипами «большой советской семьи». Говорить о ситуации заброшенности личности и о враждебности ей истории современный украинец не будет: его народ впервые вышел на историческую арену не как материал, а как субъект истории и она, если иметь в виду те позитивные сдвиги, которые произошли после мировых войн в европейской ментальности, не является более чем-то фатально враждебным и объективно-независимым. История творится теперь в пределах человеческих параметров бытия, становится сама человекообразной».

В моем собственном подходе к проблеме соотношения индивидуально-личностного и объективно-надличностного в социокультурном бытии произошел определенный дрейф. Эти два начала я перестала противопоставлять, а стала рассматривать как «два плеча одного рычага» культуры (Ю. М. Лотман) или обнаруживать их изоморфность (личность подобно монаде воплощает в себе, репрезентирует культурно-исторический универсум). Осуществляя этот дрейф, я сознательно ориентировалась на признанные авторитеты и ставшие уже классическими труды. Теперь же, перечитывая комментарий А. С. Кирилюка, я понимаю, что его замечания также существенно повлияли на мое исследовательское движение в направлении «объективации» ситуационно-личностного.

Был совершен и еще один исследовательский дрейф – от «ситуации» к «биографии» [3]. И снова память предательски не сохранила на поверхности сознания «биографический» путеводитель, обозначенный в отзыве Александра Сергеевича. Запомнилось то, каким актуальным показалось предложение известного одесского философа и социолога Ирины Марковны Поповой о создании «Народного архива» – фонда личных биографических документов. С отклика на это предложение и началось для меня философское исследование биографии как социокультурного феномена. И лишь теперь, перечитывая отзыв А. С. Кирилюка, понимаю, почему идея биографии показалась близкой и органично вытекающей из идеи ситуации:

«Если учесть сказанное выше об актуализации ситуационной проблематики в переломные эпохи, то работа должна была бы включать в себя исследование весьма популярных в эти периоды жанров – автобиографий, исповедей, житий святых, «опытов» и т. д., то есть всего того, что связано с биографическим и одновременно эпохальным в судьбах Сократа, Аврелия, Сенеки, Августина, Данте, Петрарки, Абельяра и т. д., вплоть до «Исповеди на заданную тему» Б. Ельцина. Тогда после приведения конкретных примеров «работы» ситуационного анализа <...> можно было бы с полным основанием говорить о том, что ситуационный подход имеет определенное эвристическое значение в современных условиях, дает ответы на вопросы эпохи, указывает на выход из тупиковых положений и т. д.»

Важной для диссертационной работы была идея о связи «ситуации» и «этоса». Обосновывалось допущение, что этимологическая близость терминов «ситуация» и «этика» не случайна и чревата неожиданными смыслами («ситуация» – местоположение, видоположение, «этос» – местопребывание, место обитания, людское жилище). А. С. Кириллук, справедливо указывая на чрезмерное увлечение этимологией и «играми языка», спрашивал: а не слишком ли неглубоко базировать исходную гипотезу работы на этимологическом соответствии этоса и ситуации? Сам же тезис о ситуации как пространстве, локусе морального решения и поступка оказался, с его точки зрения, во многом декларативным, нуждающимся в существенных уточнениях. Вообще Александр Сергеевич не оставил живого места на моих этосно-топологических эскерсисах, особенно иронизируя над некритическим употреблением понятия «точка», которое «часто-густо» встречалось в работе («личностная точка», «точечное измерение», «нулевая точка», «континуальность-точечность» и т. д.). При этом, насколько я могу судить, объектом критики была не сама возможность и эвристический потенциал процедуры «спациализации» (термин В. Н. Топорова) – перевода непространственных явлений в режим топологий – а то, как поверхностно (опять топология!) данная процедура была осуществлена в диссертации.

«Ведь если взять типологизацию социокультурных ситуаций в рамках морального решения, то уже самый простой исторический пример покажет, что типологическая общность переживаемых ситуаций может быть антитетична: какое разумно-целостное строение истории может иметь место для переживающих ее в едином жизненном опыте узников гетто? И как видят эту историю в собственной ситуации немцы? Или если взять украинцев в Красной Армии и в УПА – преемственность морального опыта есть, но она антитетична, если не выходить

на более широкие основания. Ведь возникает ситуация из старого еврейского анекдота, когда рабби признал правыми обоих спорщиков, и того, кто сказал, что так не бывает. Иначе говоря, речь идет о необходимости, как это ни скучно, конкретно-исторического подхода к личности и переживаемой ею ситуации, а также о выходе на социокультурную обусловленность истины, когда оказывается, что истин как резюме этического опыта, почерпнутого из личной ситуации, то есть правд – может быть много. Кроме того, здесь нельзя отбросить и то, что называется статистическими закономерностями. Экономика без сводки ЦСУ не обойдется, как бы ни был значим личностно-ситуационный момент истории. Более того, Соня Мармеладова репродуцируется в каждом поколении тоже по законам статистики. Из них нельзя вывести гипотезу о том, что данный личный опыт будет иметь каждая данная конкретная девушка, но что в эту личностную ситуацию неизбежно какая-то часть их попадет, можно. Можно даже сказать, какая часть. И даже предвидеть, что в этой социальной группе не будет ни одной чеченки, ибо таковы их родовые законы. Так есть все же нечто объективное в социуме или наши социологи напрасно пытаются выявить что-то общее в нем? Кроме того, в данном случае открывается еще несколько проблем:

- преемственность этического опыта личностей разной, противоположной этической ориентации в условиях единой исторической ситуации;

- преемственность этого опыта у личностей одной ориентации в периоды кардинальных изменений исторической ситуации, ее перехода в противоположную форму существования;

- преемственность исторического опыта у личностей противоположной этической ориентации при переходе исторической ситуации в противоположную».

Как уже упоминалось, ключевой для диссертационной работы был тезис о том, что ситуация – это, прежде всего, смысловая действительность. Развитие этой «смысловой» линии осуществлялось, прежде всего, на основе анализа идей Г.-Г. Гадамера, К. Ясперса и экзистенциалистской традиции в целом. Речь шла о необходимости развести две процедуры: каузальное понимание истории и истолкование ее смысла. История тогда предстает как открытый интерпретации мир смысловых соотношений. И если существует универсальная связь времен в истории, то эта связь преимущественно смысловая. Я опиралась на знаменитую и особенно популярную в те годы ясперовскую идею «осевой эпохи». Ее главное достижение, согласно К. Ясперсу, – рождение идеи личности и личной ответственности – могло исходить только «из

личностной точки», имея статус индивидуального и единичного. Став смысловыми координатами истории, они обрели статус всеобщего, универсального. Однако удерживаться в истории, передаваться из поколения в поколение ценности индивидуальной духовной свободы и личной ответственности могут только на индивидуальном уровне, причем отнюдь не с принудительной обязательностью. Это сущностное единство смысла является либо «ферментом, воздействующим на все происходящее», либо «бездейственным воспоминанием, готовым оказать воздействие», либо «вопросом, обращенным к будущему» [17, с. 263]. Именно в такой «смысловой» фокусировке ставился в работе вопрос о соотношении «ситуации» и исторического континуума.

Автору диссертации, воспитанному на чтении и подробном конспектировании «священных текстов» К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, сама постановка вопроса о ситуации как о смысловой действительности казалась совершенно новой и неожиданной. Мое историческое образование, полученное в эпоху господства вульгаризированного исторического материализма, позволяло моему собственному историческому сознанию осваивать подобного рода идеи лишь с очень большим скрипом и напряжением. Эта личная ситуация, хоть и в упрощенном виде, но все же отражала ситуацию в самой исторической науке. С огромным напряжением и порой с самыми изощренными исследовательскими усилиями в «формационной схеме» прорубались бреши. Историки предлагали дополнить формационные «законы систем (общие законы)» условно называемыми «законами исторических ситуаций». Так с оговорками и «условностями» в советской исторической науке впервые поставил эту проблему Л. Е. Кертман. Он высказал гипотезу: «Нет ли в многообразии общественного развития таких явлений, процессов, зависимостей, которые обобщаются законами, существенно отличными от законов систем, с принципиально иным уровнем абстракции?» [7]. Сама форма высказывания – не утвердительная, а робко-вопросительная («А нет ли...?»). В 1991 году появляется первая и, как оказалось, последняя в традиции советского исторического материализма, специальная монография И. Желениной «Историческая ситуация: методология анализа» [5]. В ней подчеркивалось, что разработка методологии анализа исторических ситуаций должна стать ответом на обвинения, которые выдвигает историческому материализму экзистенциализм. Так, к примеру, К. Ясперс упрекал марксизм в том, что он знает лишь общий план истории и отрицает значение конкретных ситуаций, в которых только и можно рассматривать экзистенциальные вопросы человеческой свободы,

совести, морального суда. И. Желенина выдвигает контраргумент: именно ситуационно-исторический подход в рамках исторического материализма выводит на первый план роль личности в истории. При этом личность все еще представляла как «субъективный фактор» – непосредственная живая деятельность субъекта, включенная в саму цепь причинно-следственной детерминации. Тогда еще трудно было представить, что подобная апологетика исторического материализма осуществлялась уже в ситуации его стратегического отступления.

Как и у многих представителей моего поколения, особенно у тех, кто не получил специального философского образования, знакомство с традицией герменевтики, феноменологии, экзистенциализма, причем в переводах, в 90-е годы только начиналось. Универсум смысла открывался как *terra incognita* и одновременно как «земля обетованная», одно лишь вступление на которую, казалось, обеспечивало овладение ключом к разгадке тайн мира человека и культуры. Назвать историческую и человеческую ситуацию «смысловой действительностью» для меня тогда означало уже сказать о ней все, что нужно. А. С. Кирилук постарался показать, что смысловая маркировка и апелляция к смыслу истории, культуры, индивидуальной жизни – это всего лишь постановка проблемы и только начало сложного, драматического, чреватого множеством интеллектуальных ловушек пути по направлению к «земле обетованной». Движение по этому пути как раз и требует той самой «ситуационной познавательной ответственности», о которой много и во многом декларативно говорилось на страницах рецензируемой диссертации.

«...Мир же, что верно отмечено, <...> – это смысловая действительность, как и ситуация. Различные смыслы обретаются у разных носителей этих смыслов и, следовательно, эти носители сами определяют границы, в которых можно рассуждать о себе. Христиане видят эту границу в трансцендентности и явленности Бога, и приближения к нему в бесконечности, чем и определяется историческая и личностная ситуация для них. Современные эклектики видят эту границу в себе самих, понимаемых как “точки”, в броуновском движении которых нет никакой объективной закономерности, не разумея того, что и это самопонимание в рамках постнеклассического или постмодернистского типа мышления тоже объективно определено, в частности, общей исторической ситуацией отказа от стадальной модели, авторитетов и сильного дискурса. Вместо объективно-закономерных моделей исторического предлагается акцидентально-субъективистская модель, хотя расширение границ ситуации и в истории, и в методологии науки, и в социологии, о чем говорит автор, все же неизбежно. Это расширение

связано с определением инвариантов социальности и культуры, прежде всего, с культурными универсалиями. Ситуационный подход в этом плане есть лишь одна из многочисленных вариаций на тему: “кто я”, “на что я могу надеяться”, “что я могу знать”».

Еще один путеводитель, ненавязчиво встроенный в отзыв, указывал на плодотворность изучения ситуации в контексте «культурных универсалий» – главной исследовательской темы А. С. Кирилюка. В диссертации содержался параграф, близкий к данной тематике, где делалась попытка осмыслить понятие «ситуация» на фоне «мифа» и «инвариантов культуры». Проблема ставилась следующим образом: миф фиксирует не принцип, а случай-ситуацию. Тогда какое же отношение он имеет к инвариантам культуры? Культурные инварианты воспроизводятся и транслируются в культуре, прежде всего через изображение архетипических нерасчлененно-мифологических ситуаций, а не через обращение к принципам. Если признать в качестве основного семиотического дуализма культуры дуализм: дискретность-недискретность, то связка инварианты культуры – случай-ситуация реально представима в рамках данного культурного дуализма. В этом контексте была сделана единичная ссылка на вышедшую тогда работу А. С. Кирилюка «Универсалии культуры и семиотика дискурса» [8]. Однако в полной мере ситуационный потенциал «Универсалий...» раскрыт, к сожалению, не был. В основном в диссертации анализировался подход В. Н. Топорова, представленный, прежде всего, в книге «Эней – человек судьбы: к “средиземноморской” персонологии» [16]. Выбор именно этого варианта был связан с моими «персоноцентричными», «точечными» предпочтениями, крайность и односторонность которых справедливо критиковал рецензент. Меня привлекло то, как инварианты и универсалии культуры соединены у Топорова с «человекосоразмерностью» и «персонологиями». А А. С. Кирилюк настойчиво призывал диссертантку не забывать и надличностные, базовые элементы инвариантных и архетипических ситуаций:

«Не проведена работа по выявлению базисного элемента многообразных ситуаций, представленных в тексте (диссертации – И. Г.), которым у В. Топорова является архетипическая формула: жизнь-смерть-воскресение. Именно этот блок – изначально фундаментальный компонент многообразных исторических и культурных ситуаций. Вот из чего действительно не может выйти человек, хотя и стремится сделать это в различных формах преодоления собственной конечности. В этом и проявляется “замкнутость” человека в ситуации любого типа, и одновременно – форма и способ выхода из нее».

Как уже говорилось, отзыв содержал такие емкие исследовательские комментарии, в которых в «свернутом виде», в предельно насыщенном проблемном пучке содержался материал не на одну статью и монографию. Вот один из них:

«Ведь поиск закономерности и объективности осуществляется людьми не для того, чтобы они вольно или невольно принижали свою индивидуально-личностную неповторимость. Своеобразная культурно-мировоззренческая трансцендентальная апперцепция требовала сохранения себестождественности не только единичного, но и общесоциального субъекта, где суммирование воле не должно было привести к дробно-хаотической исторической воле. Эта общая воля, однако, не могла не подавлять и даже уничтожать отдельные единичные, личные воли, но то обстоятельство, что общая воля часто носила облик индивидуальной воплощенности, будь то в Наполеоне или царе, привело к тому, что массе на определенном этапе истории показалось, будто каждый ее представитель и вочеловеченный в историческом персонаже объективный исторический импульс являются равноправными. Отсюда – восстание масс и отрицание собственной массовости путем вознесения личной неудачной любовной истории на уровень мировой проблемы. Я уникален, неповторим и значим – так сказал вырвавшийся из-под пресса объективности индивид. Но эта уникальность и значимость – не более, чем уникальность отдельного листа дерева, не дошедшего до сознания: вся неповторимость конфигурации листа есть, тем не менее, заданная вариация в границах того, что все листья тождественны по сути. И все его неповторимол-личностные проблемы не выходят за рамки старых, как мир, проблем, которые переживали, но не делали их чем-то общезначимым миллионы людей до него. Тут, конечно не обойтись без междисциплинарных подходов, учета теории ролей, даже психоанализа. Но степень общности, присущая индивиду, занимающего ключевую ячейку социальной структуры, объективно выше, чем божжа. Его воля – это действительно объективная воля. Поэтому в работе важно было бы провести различия в отношении ситуаций, возникающих на разных иерархических уровнях в обществе. Одно дело – ситуация Государя, другое – конюха или петербургского мещанина. Каждый из них переживает свою ситуацию через вживание и индивидуально-неповторимое понимание. Нет поэтому здесь особых эмоциональных отличий, в чем и кроется возможное вживание в чужие экзистенциальные ситуации. Но в социально-ролевом плане и тот и другой подчинены неподвластным им как индивидам закономерностям,

положение каждого обязывает действовать их сообразно общим правилам – или управлять государством, или погонять лошадь. И государь столь же неволен, принужден к действию ситуацией, как и мещанин. Однако для последнего осознание своей заброшенности может быть даже меньшим, чем для первого...

И здесь открывается еще один интересный поворот – каким образом воплощение объективности, социально-всеобщая личность оказывается в ситуации, связанной с невозможностью принять случайное решение. На что ей опираться, в чем искать алгоритм действия? Конечно, есть множество примеров произвольных решений, следствием которых являются довольно значимые зигзаги общественного развития. Но все возвращается на круги свои, и, если явление обладает основанием, оно рано или поздно реализуется по своей общей, не случайной схеме. Так вот, историческая ситуация, в которой оказывается историческая личность, – она для него “точечна”, личностно-неповторима или объективно значима? То есть личностный подход требует учета того, что ранги социально-объективной значимости персон бывают различными. Что для одних является некоей объективной закономерностью – начало, скажем, войны, – то для другого, социально значимого – ситуацией личного решения и выбора. И в этом своем объективно значимом действии социально-надындивидуальный индивид тоже утверждает свое индивидуально-личностное достоинство в качестве самоценного субъекта, о чем в выводах (диссертации – И. Г.) говорится только применительно к исторически незначимой личности. То, что для социально-объективного субъекта будет личностным, для социально-незначимого – жесткой детерминацией. Кроме того, эта жесткая детерминация только и спасала некоторые растерянные умы в нестандартных ситуациях, давая им общее правило поведения и действий.

В данном случае можно было бы привлечь также отечественный материал, связанный с двойственностью украинского национального менталитета. С одной стороны, воинственная активность и стремление вмешаться в ситуацию действием, с другой – уход в хуторянское бытие, ценности бытового плана и т. д. Второе, по мнению диссертанта, предпочтительнее, ибо только из “личностной точки” прочеркивается вектор рассмотрения всех социально-объективных феноменов духовного, исторического и культурного планов. Конечно, селянин на хуторе все события в мире видел сквозь призму собственного благополучия, и весь мир подчинен был этой идее, благоприятствуя ей или препятствуя. Так, очевидно упрощая, можно подытожить глубинную интенцию диссертанта.

А. П. Чехов не любил детей, отмечая почти с ненавистью: посмотрите, как несут они свою собственную, по всем меркам ничтожную жизнь, как важничают с ней. Это можно не принимать и не соглашаться. Но что верно отмечено – индивидуальная самооценка, масштаб собственной значимости не зависит от социальной значимости человека. Он может быть ничем и никем, но для себя он – все. И здесь мы видим проявление очень важного механизма самосохранения человека, который ломается лишь при потере ощущения личностью собственной самооценности, что видно в суицидальном поведении, в его буквальных и замещенных формах.

Вместе с тем нельзя не видеть и определенного инфантилизма во всех современных способах вознесения на вершину всех и вся. Так, поп-певцы с подачи ведущих рассуждают в телепередачах о политике или искусстве, имея для этого единственное основание – кое-какой голосок и популярность среди части населения. Носится такой вот самооценный индивид с собой как с писаной торбой, но никому, кроме себя, он не интересен. Так важничает с собой ребенок, ожидая поощрения взрослых за выученное и продекламированное стихотворение. Единичный субъект в качестве самооценного субъекта должен таковым и оставаться, то есть в своей ценности не выходить за пределы само-ценности. Несамощность его – объективная оценка его значимости – уже невозможна без того, чтобы не привлечь для этой процедуры нечто большее, чем “точка-личность”. Тогда смысловые проекции его на реальность, его “мир” будут действительным миром, а не “миром” (Сковорода). А диссертация призывает: прислушайся к этой звонкой тишине, идущей от пустоты, может быть, что-то и обнаружишь. Тогда точка эта может оказаться бесконечно малой величиной. Во всяком случае, так выходит при неконкретном подходе к личности. Ибо (утрируя) можно дойти до провозглашения достоинства единичного самооценного субъекта под забором пивнушки. Это, конечно, слишком сказано, но, действительно, без проведения типологии личностной, то есть выявления того, каким образом разные типы личности ведут себя и реагируют в одной ситуации, в том числе и исторической, или однотипные личности в разных ситуациях, ситуационный подход “зависает”, как и многие дефиниции и фразы в данной работе.

Не секрет, что есть личности, для которых фатальная или объективно-надличностная ситуация – это спасательный круг в феноменальном и случайном мире. Борясь против доминирования представлений о закономерности в истории, европейский интеллигент

в конце концов настолько измельчал в своих масштабах, что, по сути, следует ожидать в обозримом будущем формирования каких-то универсалистских концепций. На чем они будут основаны – то ли на идее потребления, то ли – духовной свободы, но в любом случае речь будет идти о поиске общего. Ведь недаром, и диссертант это хорошо знает, именно с разложением традиционных схем и выходом на арену экзистирующего и не знающего на что опереться индивида, одновременно с этим процессом возникают многочисленные “нео” движения, начиная от неогегельянства, неокантианства и заканчивая неосхоластикой и неоаристотелизмом. Так что поиск сущности вне личности не прерван. Проблема заключается лишь в том, каким образом можно связать индивидуально-личностное положение человека в ситуации, исторической в том числе, с признанием того, что это индивидуальное и личностное есть мерило надличностного. Этим, по сути, и занималась вся христианская традиция философствования, и к этому идет современная социальная политика. Правда, хитрость в этой политической приспособленности личности к истории зачастую сопряжена с тем, что личность, сама того не зная, является продуктом манипуляционного формирования всего того, что потом столь органично сливается с историческим миром. Свои установки и предпочтения личность творит не самостоятельно, вернее, ей кажется, что это – ее вкус, интерес, цель. На самом деле все это – замаскированный продукт все той же бездушной объективности, представшей в виде стереотипов массового сознания и т. д. Даже панкковский эпатаж в итоге стал стереотипом. Сейчас “правильно” быть экологом, добродетелем, участником неприбыльных акций и т. д. То, что прежде представлялось в качестве формы проявления индивидуально-личностного выбора, сейчас – общее место, общее правило и даже необходимая форма поведения. Иначе говоря, индивидуально-личностное, случайно-субъективное перелилось в нечто обязательное. Каждый стал неповторимой индивидуальностью. Уже в этом одном видно нечто общее, единое стремление. Быть неповторимой индивидуальностью в условиях, когда все – неповторимые индивидуальности, это значит – быть как все, ибо все – неповторимые индивидуальности. В таких случаях проблематичным становится не только авторитет другого, но и простое уважительное отношение к нему. Каждый может задать другому вопрос Паниковского Шуре Балаганову: А ты кто такой? Я – точка, и все измеряю из себя, каким бы мелким оно ни было.

Поэтому, по всей видимости, нужно видеть, что в современной ситуации находятся по крайней мере: 1. Авторитарные личности, ищущие

Закон. 2. Личности, кто думает, что они совершают выбор, хотя результаты его уже известны. 3. Личности, кто, будучи вплетенным в ситуацию, нестандартным образом трансформируют ее, не выходя за ее пределы».

Жанр нестрогих и непричесанных заметок позволяет привести без сокращений достаточно большой целостный фрагмент текста отзыва А. С. Кирилюка. Хотя в том же отзыве сделано строгое предупреждение: «цитата на абзац – нельзя, она должна или начинать Ваши рассуждения, или подтверждать их». Простите, Александр Сергеевич, я все же решаюсь привести цитату, которая – даже не на абзац, привести для того, чтобы читатель убедился: в этом фрагменте – программа даже не для одной диссертации. Здесь и теоретико-концептуальное обоснование, и понятийная база, и новые термины. Кроме того, эскизно и почти провидчески обозначены те перспективы развития современной культуры и философии, которые лишь сегодня можно увидеть воочию. А еще – это неповторимый авторский стиль и язык, в которых сочетается четкость, строгость, метафоричность. И в этом соединении философские эрос, пафос и этос поддерживают, уравнивают и «примиряют» друг друга. Рецензент также безошибочно угадал «глубинную интенцию автора» и точно ее сформулировал, указав на те опасности, соблазны и ловушки, которые в данной интенции содержатся.

Оставалось только развивать подаренные идеи, разворачивать наброски, писать, вырабатывая свой собственный авторский стиль. Диссертантка была повержена наповал этим роскошным интеллектуальным подарком. И до сих пор лично для меня актуальным остается вопрос – удалось ли этим даром воспользоваться, реализовать, развернуть, вступить в содержательную полемику?

Если говорить о ситуации самого автора, ситуации исторической и биографической, то середина и конец 90-х годов были не самым комфортным для философии временем, как впрочем, и не только для философии. Пожалуй, главный дискомфорт для тех, кто все-таки отважился тогда связать свою профессиональную судьбу с философией, философским образованием, преподаванием философии, – это отсутствие нормальных возможностей для творческого общения с коллегами, разрушение сложившихся «форм жизни» в философии, с ее ритуалами, а главное – с ее этосом. Автор чувствовал себя в некоем вакууме, на философских задворках или в философском предбаннике. И остроты этого ощущения оторванности от профессионального сообщества не могла снять продуктивная, по-настоящему творческая работа с научным руководителем – профессором кафедры философии и основ

общегуманитарного знания Ириной Яковлевной Матковской, которая не только очень тщательно, строго работала с аспирантами, но и регулярно собирала их на методологические семинары, которые заслуживают отдельного разговора.

Сама ситуация отзыва видится теперь как единомоментное погружение в философскую купель, где не обошлось и без насмешки, иронии над слишком восторженным неопитом. В своей работе я сосредоточилась на вариантах ситуационного подхода, предложенных современными исследователями – Э. Ю. Соловьевым, М. К. Мамардашвили, В. Н. Топоровым. Все они, даже к тому времени недавно ушедший М. К. Мамардашвили, для моего рецензента – живые, действующие персонажи актуально творимой, свершаемой (а не свершившейся) истории философии; коллеги, чьи идеи не всегда бесспорны. Для меня же они – мэтры, классики, по отношению к которым я устанавливаю соответствующий стиль – стиль обращения с застывшими статуями (впрочем, при этом в диссертации призываю вместе с Х. Ортегой-и-Гассетом отойти от «статуи Гете», которая нас уже утомила, отбросить «холодную и бесплодную красоту его изваяния» [12, с. 442]). А. С. Кирилук в ответ на мой пассаж о том, что Э. Ю. Соловьев «навсегда остался верен принципам», иронично замечает: «Остался верен...? Соловьева я видел последний раз прошлым летом. Его путь уже закончен?». Это замечание – знак-предупреждение об опасности превращения философа в тотемическое божество. О такой опасности в контексте историко-философской биографистики замечательно пишет В. И. Менжулин [11, с. 38–48]. Думаю, мысль о философе как о тотеме, «тотемичном праотце» должна вызвать полемический отклик у А. С. Кирилюка, много лет неустанно и плодотворно исследующего универсально-культурное содержание мифологических символов и нарративов [8; 9].

Сегодня я могу посмеяться над своей наивностью и почти священным благоговением перед живыми, действующими философами, которых многие из моих старших коллег хорошо знали лично и «запросто». Тем не менее, сейчас, как никогда ранее, я чувствую и наивную правоту своего «священного трепета» перед мэтрами, диагностируя почти полное его отсутствие у современных «студиозусов». Как мне представляется теперь, этот «трепет» младших членов «философской гильдии» перед старшими – одна из важнейших составляющих интеллектуальной традиции как традиции живой, обеспечивающей возможность почти ритуальной инициации («мистической партиципации» [11, с. 43]), которая только и

позволяет по настоящему, всерьез вступить в «магический круг» философии, ее актуально-жизненного, драматического существования.

1. Батыгин Г. С. Карьера, этос и научная биография: к семантике автобиографического нарратива // Человек. Сообщество. Управление. Научно-информационный журнал. – М., 2007. – № 1. – С. 4–14.
2. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собрание сочинений. – Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. – М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. – С. 7–68.
3. Голубович І. В. Біографія як соціокультурний феномен (філософсько-методологічний аналіз): автореф... докт.філос.наук: 09.00.03 – соціальна філософія та філософія історії.– Одеса, 2009.– 36 с.
4. Голубович И. В. Методологические проблемы ситуационного подхода и его применение в современных гуманитарных исследованиях: дисс... кандидата филос.наук: 09.00.03. – социальная философия и философия истории. – Одесса, 1997.– 201 с.
5. Желенина И. С. Историческая ситуация: Методология анализа.– М.: Изд. Московского университета, 1987.– 138 с.
6. История понятий, история дискурса, история метафор / Сборник статей под ред. Ханса Эрика Бёдекера. Пер. с нем.– М.: Новое литературное обозрение, 2010.– 328 с.
7. Кертман Л. Е. Законы исторических ситуаций // Вопросы истории.– М., 1971.– № 1.– С. 56–78.
8. Кирилук А. С. Универсалии культуры и семиотика дискурса. Миф.– Одесса: Рось, 1996.– 141 с.
9. Кирилук А. С. Универсалии культуры и семиотика дискурса. Новелла.– Одесса: Астропринт, 1998.– 144 с.
10. Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории.– М.: Европа, 2005.– 544 с.
11. Менжулін В. Біографічний підхід в історико-філософському пізнанні.– К.: НАУКМА: Аграр Медиа Груп, 2010.– 455 с.
12. Ортега-и-Гассет Х. В поисках Гете / Пер. с исп. // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры.– М., 1991.– С. 433–462.
13. Паньков Н. А. Защита диссертации М. М.Бахтина как реальное событие, высокая драма и научная комедия // Диалог. Карнавал. Хронотоп.– М., 1993.– № 2–3.– С. 43–55.
14. Паньков Н. А. «Но мы Истории не пишем...» Несколько соображений о специфике биографического жанра // Диалог. Карнавал. Хронотоп.– М., 1997.– № 1.– С. 98–139.
15. Соловьев Э. Ю. Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса // Вопросы философии.– М., 1968.– № 5.– С. 15–29.
16. Топоров В. Н. Эней – человек судьбы: к «средиземноморской» персонологии. Ч.1.– М.: Радикс, 1993.– 192 с.
17. Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем.– М.: Политиздат, 1991.– 527 с.